

ВЕРНИСАЖ

О пользе грантов для музейного дела

В рамках празднования Дня науки в институтах СО РАН традиционно проходят встречи, тематические выставки и дни открытых дверей для школьников, студентов и всех заинтересованных. Журналисты «НС» отправились в гости к старым друзьям, в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН — посмотреть обновленную экспозицию.

В прошлом году музей выиграл грант Фонда Д.И. Зимина «Династия» — «Научные музеи XXI века». По словам директора музея к.и.н. И.В. Сальниковой, не исключено, что это последний случай, когда грант даёт «гуманитарному» музею, поскольку концепция гранта подразумевает освещение истории точных наук. Все деньги были вложены в реконструкцию выставочных помещений и расширение экспозиции — например, добавились коллекция серебряных изделий угорских народов Сибири, собранная в экспедициях д.и.н. А.В. Бауло. Работы завершились лишь 7 декабря 2009 года. Зато теперь музейные залы выглядят по-настоящему стильно.

Центром экспозиции, безусловно, стоит считать зал с пазырыкскими мумиями (IV—III вв. до н.э.). «Мальчик» и «девочка», как любовно называет их Ирина Владимировна, покоятся в специальных стеклянных саркофагах, в которых постоянно контролируется температурный и микробиологический режим, а также уровень влажности. Необходимые для этого разработки были выполнены силами нескольких институтов СО РАН в рамках интеграционного проекта. Витрины с экспонатами сопровождаются техническими новшествами: в зале установлены специальные дисплеи, позволяющие узнать много интересного о том, что посетитель видит перед собой: например, состав сплава, из которого изготавливалась фольга, покрывавшая деревянные изделия,

технологии её изготовления и нанесения на дерево и многое другое. Сами витрины стали удобнее: теперь нет необходимости низко наклоняться, чтобы прочесть этикетки и пояснения. У входа гостей встречает сама реконструированная пазырыкская дама — сидящий манекен в реконструированной же одежде. Аутентичная одежда, и верхняя, и нижняя, размещена в витринах. Сохранность артефактов впечатляет: всё — мех и ткань — это не глина и металл, они подвержены распаду намного больше.

К слову о тканях и иной, как говорили в Древней Руси, «мягкой рухляди»: этнографический зал на-

родов Сибири весьма обширен и наполнен интереснейшими экспонатами. По опыту знаю, что этнографические экспозиции всегда пользуются большим успехом, нежели археологические, поскольку последние несведущим в археологии лицам следуют интересно и хорошо рассказать, иначе все артефакты в витринах будут для них лишь набором ржавого железа, ключками кожи и войлока и россыпью черепков, а не отражением живой жизни древних. Так, например, я с удивлением узнала, что некий круглый и некрасивый для моих глаз предмет, напоминавший стеклянную солонку грубой советской

работы 70-х годов, был, оказывается, хрустальным и служил частью навершия рукоятки меча, найденного отрядом ака. В.И. Молодина в погребении воина (IV—V вв. н.э., Бараба), этнокультурную принадлежность которого установить затруднительно. Ну, а среди этнографических экспонатов (одежды, утвари, элементов убранства жилищ), даже не понимая ничего, можно порадовать глаз — народы Сибири, включая и русских переселенцев, любили жить ярко. С некоторым сожалением отметила, что русская часть экспозиции, как и прежде, невелика, особенно в части одежды. Безусловно, музей «не резиновый», и есть у сотрудников свои вполне веские основания для включения тех или иных предметов в экспозицию. А всё-таки жаль, что то богатство, которое есть в запасниках, экспонируется редко. Будем надеяться, что когда-нибудь ситуация изменится.

Что же касается рассказов о предметах, составивших когда-то материальный мир людей прошлого (от палеолита до XX в. включительно), то их в день нашего посещения вели аспиранты Института археологии и этнографии. Проводилась экскурсия для учащихся 162-й школы, и трое аспирантов передавали ребят друг другу в разных залах. Подростки слушали заинтересованно, тем более что некоторые предметы давали потрогать (например, копию каменного топора на реконструированной рукоятке). Экспонаты музея таят ещё много

загадок. Вот вы, например, знаете, почему у пазырыкской дамы ещё при жизни были удалены здоровые верхние и нижние резцы, а также коренной зуб? Такие явления известны в этнографии народов Африки, но зачем это делали представители пазырыкской культуры? Кто знает, возможно, ответ даст кто-нибудь из этих детей, которых мы видели в залах музея.

Когда учёный рассказывает посетителям музея о том, что они видят в экспозиции, появляется возможность совершить как бы небольшое путешествие в прошлое, краешком соприкоснуться с чужой и далёкой жизнью. И тогда улыбочивые скелеты под стеклом (Ирина Владимировна гордится ими: «Прекрасное погребение, с утварью!») вдруг перестают восприниматься как скучная «винтэссенция праха», а предстанут как живые люди, со своим духовным и материальным миром, который очень сильно отличался от нашего, а в чём-то был очень нам близок. Это только кажется, что не надо разговаривать с ними — без них мы все-таки Иваны, не помнящие родства. А сотрудники музея, учёные — переводчики с языка одной культуры на язык другой.

В Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока «переводчики» прекрасные. Тем, кто желает услышать прошлое, они помогут — тем более, что для этого теперь есть все условия.

Фото Ю. Плотникова

Япония: ускользящая красота

В Доме учёных СО РАН проходит совместная выставка Елизаветы Малининой и Владимира Юделевича. Елизавета — филолог, специалист по японской литературе и искусству, известная своими акварелями, картинами из бересты, флористикой. Владимир — художник-керамист, много лет преподающий искусство керамики детям.

Елизавета выставила цикл фотографий, которые были сделаны ею во время последней поездки в Японию, и небольшое количество акварелей. В гармоничном ансамбле с ними выступают деревца-бонсаи и керамические сосуды Владимира. — Елизавета, что это была за поездка, оставившая такой богатый след в вашем творчестве?

Е.М.: Так же, как десять лет назад, это была научная стажировка в Киото. Меня пригласил Научно-исследовательский институт дзэн-буддизма и Университет дзэн-буддизма. Я провела в Японии целый год, вернулась домой лишь полгода назад.

В течение всего года Елизавета фотографировала лики Японии. Пейзажное фото — неблагоприятный жанр: слишком легко впасть в банальную красоту или в монотонность. Здесь, несмотря на то, что зрительно «сделано красиво», этого нет. Работы, представленные на выставке, требуют медитативного, неспешного взгляда. Такое предполагалось в былые времена при обряде ханами, привычно трактуемом нами как «любование цветами», тогда как в действительности долгое рассматривание цветущих деревьев в свя-

щенных рощах должно было показать присутствующим души предков в цветах. Тот, кто оставит спешку и суету хоть ненадолго, может увидеть, как душа Японии смотрит на него из цветных картинок. Неторопливые прогулки в узких, старых улочках Киото, по которым, будто яркая тень эпохи Токугава, шагает гейша в традиционном кимоно; или в горах, неправдоподобно, нерукотворно прекрасных — где среди совершенно диких пейзажей вдруг высится ворота-тории, предупреждающие о синтоистском храме или кумирне; замирание сердца в крошечные, уютные садиках при святилищах и монастырях; умиротворение при виде знаменитых «садов камней» (почти белые цветы сакуры над белой галькой) — изображения затягивают, уводят всё глубже от привычного мира.

— Вы специально расположили фотографии по временам года, так, что они образуют практически годовой круг?

Е.М.: Нет, так получилось. Но это ведь наиболее естественное расположение. Я пришла, развесила фотографии, посмотрела вечером — и поняла, что они не могут висеть иначе.

Помимо фото, Елизавета представила на

выставке и свои пейзажные акварели: сочетающие традиции китайской и японской живописи, мягкие, типично «иньские» — недаром она так любит пейзажи с водой, и они ей прекрасно удаются. Эта дымка и ощущение влаги образуют контраст с живой яркости фоторабот.

— Елизавета, а как вам пришла в голову мысль сделать совместную выставку с Владимиром Юделевичем?

Е.М.: Мы давно знакомы, я консультировала его, когда он заинтересовался японским искусством, так что это длительное сотрудничество.

Действительно, работы Владимира отличает то брутальное изящество (да простят мне этот оксюморон), которое характерно для подлинной японской керамики. В основном выставлены предметы для чайной церемонии — чаши, сосуды для хранения чая, небольшие блюда. Некоторая «неправильность» форм — вовсе не свидетельство плохого владения гончарным кругом и инструментами, но умышленное отклонение от совершенной регулярности, подчёркивающее рукотворность вещи, показывающее живое взаимодействие мастера и материала. Декор вещей очень скуп. Владимир работает в жанре «э-ута» — «поэзия для живописи», представляющем синтез поэзии и прикладного искусства. Дерево, цветок, птица, бабочка и известнейшая хайку известнейших поэтов в каллиграфическом написании — вот что украшает или, точнее, продолжает и дополняет сосуды из глины. При этом изображение не иллюстрирует стихи, ибо основной принцип э-ута — «то, что написано, не изображается, о том, что изображено, не пишут». Так, на одном из сосудов для хранения чая мы видим знаменитое стихотворение Басё (воспроизведён каллиграфический автограф поэта):

На голый ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер, —

и голая ветка есть, а ворона на ней нет. Он, устав от четырёхсотлетнего разглядывания, которое пришло на его долю

с лёгкой руки поэта, улетел, оставив нас домысливать его присутствие.

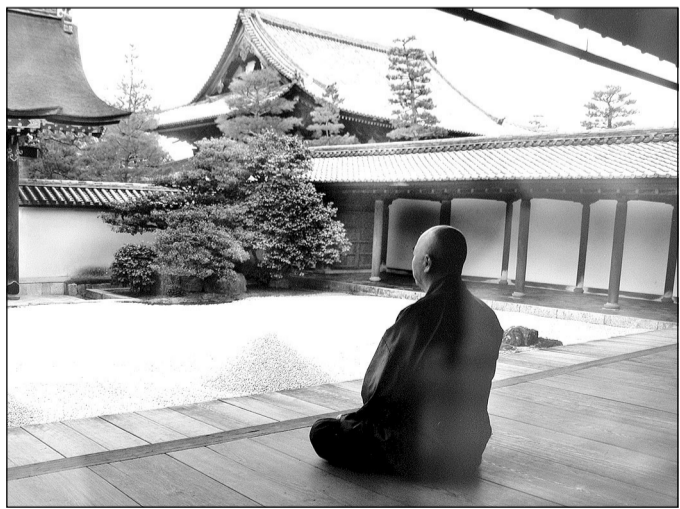
— Елизавета, а какова была концепция выставки? Почему именно фото, акварели, керамика и бонсаи?

Е.М.: Концепция — это Япония, ностальгирующая по самой себе. Всё, что я снимала — все эти храмы, улицы, сады, костюмы — всё это есть, всё это любимое и ещё живёт, но всё равно уходит, уходит, уходит... Десять лет назад моё звание Японшило, можно сказать, по горизонтали. А в этот раз — по вертикали, я погружалась в такие глубины, мне открывались такие двери... И в этот раз я очень много ходила по садам. Одна из моих следующих книг будет посвящена им.

Я не стала спрашивать, какие двери открылись. Тот, кто знает, не говорит, а тот, кто говорит, не знает. Лучше остановиться и увидеть. Вот она, ускользящая красота души Ямато, в сочетании женственного моно-но аварэ, печального очарования вещей, смотрящего с фотографий и картин, и мужественного сибуй, простоты и очарования естественности, в глиняных сосудах. Звук от прыжка лягушки в старый пруд, хлопок одной ладонью.

В рамках выставочного проекта Е.Е. Малинина читает курс лекций по японской культуре «Путь японской души». Ежедневно с 16 до 18 час. в выставочном зале показ её же слайд-фильмов «Сады и храмы Японии» и «Синто — путь японских богов». Каждую среду, пока длится выставка, Елизавета Евгеньевна отвечает на вопросы посетителя с 16 до 18 час. в выставочном зале.

Страницу подготовила Мария Горынцева, «НС»

Наука в Сибири
УЧРЕДИТЕЛЬ — СО РАН
Редактор Ю. ПЛОТНИКОВ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ
«НС» в НОВОСИБИРСКЕ!
Любые номера газеты «НС» можно приобрести или получить по подписке в холле первого этажа УД СО РАН с 9.00 до 18.00 в рабочие дни (Академгородок, Морской проспект, 2)

Адрес редакции: Россия, 630090, Новосибирск, Морской проспект, 2.
Тел/факс: 330-81-58; тел: 330-09-03, 330-15-59.
Корпункты: Иркутск 51-35-26
Томск 49-22-76 Красноярск 90-79-39
Стоимость рекламы: 50 руб. за кв. см

Отпечатано в типографии
ОАО «Советская Сибирь»
г. Новосибирск, ул. Н. Данченко, 104.
Подписано к печати 17.02.2010 г.
Объем 3 п.л. Тираж 1500.
Редакция рукописи не рецензирует и не возвращает.

Рег. № 484 в Мининформпечати России
Подписной инд. 53012
в каталоге «Пресса России»
Подписка 2010, 1-е полугодие, том 1, стр. 147
E-mail: presse@sbras.nsc.ru
© «Наука в Сибири», 2010 г.